

ГЛАВА 1

В голове пьяная зыбь, сознание в тумане, в одной руке бутылка, в другой стакан. Но это не мешает стремительно бежать по улице, стреляя на ходу. Один противник убит, другой ранен, третий выскакивает из машины, собираясь выстрелить в упор. Но доблестного капитана Костина должны ранить в конце следующей серии, а сейчас его ничем не возьмешь. Удар, подсечка...

Схватка с бандитами продолжается. Капитану Костину нет равных в этом бою. Сильный мужик, мощный, brutальный. Жесткий взгляд голубых глаз, римский нос, волевой подбородок. В каждом движении чувствуется разрушительная энергия.

Капитан Костин вел беспощадную войну с преступным миром. Он уже проклят воровским сходом, его приговорили к смерти, но у злодеев ничего не выйдет. Костину придется туго, но победа будет за ним.

Максим отвел взгляд от экрана телевизора, поднес горлышко бутылки к стакану. Рука дрогнула, спиртное хлынуло на пол.

Реальная действительность не очень стыкуется с киношной. Максим тоскливо усмехнулся. Там, в телевизоре, он проливал кровь, а здесь — виски. Кровь была бутафорской, а виски — настоящим. Но лучше бы он вернулся на экран, в надуманный мир, чем пропал здесь, в реальности.

Да вот не зовут его в кино. Третий год ни одного предложения. Хотя бы на вторую роль пригласили, пусть в эпизод.

Одно утешение, фильмы с его участием не сходят с экранов. Только вот крутятся они вхолостую. Возможно, кто-то из режиссеров смотрит сейчас на Максима, но видит в нем изъян. Звонка не будет. Значит, и ехать никуда не придется.

Максим все-таки наполнил стакан, выпил, откинулся на диване, закрыл глаза. Москва далеко, ее дыхание можно ощутить лишь через телевизор. Но и в столице делать ему нечего. Там он песчинка, а здесь, в провинциальной глуши — звезда экрана. Его узнают, на него смотрят. Только нет у него желания с кем-то видиться. Потому и прячется за бутылкой. От всех, но прежде всего от самого себя.

«Я знала, что ты придешь».

Максим открыл глаза и увидел Оксану. Она исполняла роль девушки, которую похитили бандиты. Капитан Костин спас юную красавицу. Вот она с бла-

годарностью смотрит на него, нежно улыбается. Глаза у нее цвета морской волны, пронизанной солнечными лучами, улыбка — фонтан светлых чувств, рвущихся наружу.

«На тебя можно положиться», — говорит она.

«Можно на меня. Или просто рядом лечь», — острит Костин.

Сцена удалась. Тогда, пять лет назад, они с Оксаной выпили по этому поводу. В тот же вечер она впервые легла на него. С тех пор они вместе.

Сейчас Оксана занята в новой роли. В отличие от мужа, жена востребована в кино. Сериал будут снимать долго. Она в Москве, но освободится никак не раньше, чем через месяц.

Можно бросить все и поехать к Оксане. Но это будет выглядеть так, как будто Максим Юрьев не доверяет своей жене. А еще он мог приехать за ролью. Мало ли, вдруг режиссер из уважения к Юрьеву воткнет его в какой-нибудь эпизод. А слухи не просто ползут как змеи, они еще и жалят.

Мысли о собственной никчемности еще и душат, удавом обвиваются вокруг шеи. Здесь, в одиночестве, за бутылкой, Максим еще как-то держался. Там, рядом со своей женой, он будет чувствовать себя законченным неудачником.

А она такая, что и подколоть может. Если вдруг он своим появлением испортит ей романтическое настроение или даже обломает роман с главным героем, возлюбленную которого Оксана играет.

Увы, но иллюзий насчет святости своей жены Максим не строил. Жизнь актера — сплошь ярмарка тщеславия, где страсти кипят с утроенной силой. А еще на этой ярмарке у всех своя цена. У Максима, к сожалению, котировки неважные.

Зато Игорь Частный в большом фаворе. Режиссеры выстраиваются за ним в очередь. А мужик он видный. Оксана сейчас играет роль его возлюбленной, а в образ она, как правило, входит так глубоко, что дальше некуда.

Максим выключил телевизор, взял стакан, немного подумал и отставил его в сторону. Лень возиться. Он выпил прямо из горла. Два-три глотка, и бутылка опустела. А больше нет. Так может, и хватит?

Максим тяжело мотнул головой. А как же тетушка? Он должен ее помянуть.

Нехорошо получилось. Максим рванул в Ковалев сразу же, как узнал о ее смерти, но приехал лишь на следующий день после похорон. Тогда и узнал, что тетушка завещала ему свой дом. Не было у нее других близких родственников. А он и вовсе осиротел. Поэтому и пьет четвертый день кряду. Или пятый?..

Максим поднялся. Надо посчитать, сколько он в запое, и продолжить до девятого дня. А потом уже можно будет и остановиться.

Он взял бумажник, заглянул внутрь. Четыре тысячи с хвостиком. На карточке тоже что-то есть, хотя и совсем немного. С деньгами у него сейчас неважно. Потому что работы нет. Но когда-нибудь ему обязательно повезет.

Машина осталась в Москве. До магазина рукой подать. Только добраться до него будет непросто. Максим не мог показаться на людях с щетиной на физиономии. Он побрился, вбил в кожу лица жменю крема, сбрызнулся одеколоном. Причесываться не надо — стрижка у него предельно короткая. И свежая рубашка-поло есть.

Продавщица узнала Максима, потупила глазки, улыбнулась прилавку, за которым стояла, только затем осмелилась на откровенный взгляд. А девушка ничего, симпатичная. Можно было бы крутануть с ней. Но у Максима траур, ему нельзя.

Хотя и ударить в грязь лицом перед девушкой он не мог. С деньгами неважно, пора переходить на режим экономии, но что подумают люди, если Максим Юрьев купит обычную водку? Пришлось брать пару флаконов самого дешевого виски.

Возвращался Максим в раздумье. Дешевое хорошим не бывает, вдруг он купил какую-то паленку? Тревожные мысли расшатывали шаг, и без того не особо твердый, даже сужали кругозор. Он едва не врезался в машину.

Белый «фолькс» с приоткрытой водительской дверцей стоял у ворот, ведущих во двор частного дома. Полотно отошло в сторону лишь наполовину. Хорошенькая девушка давила на него, но без толку.

— Я могу вам чем-то помочь?

Максим не мог пройти мимо. Во-первых, тут требовалась мужская сила. Во-вторых, его привлекла эта особа. Очень красивая молодая женщина.

— Вряд ли, — невесело отозвалась она.

Максим не заметил в ее взгляде узнавания. Интерес вроде бы шевельнулся, а удивления не было.

— Почему?

Он шел к воротам, а смотрел на женщину. Черты лица у нее не просто красивые, в них яркая индивидуальность и выразительность. Волнующая линия носа, чувственные губы. В глазах поволока, сотканная из тайных желаний.

— Электродвигатель сломался, — со знанием дела сказала она.

— Должен быть ручной механизм.

— Заклинило его.

— Одно к одному. Это знак.

Женщина глянула на него настороженно, с застывшей улыбкой на краешке губ. Она и сама, казалось, понимала, что это знак, но хороший он или плохой, вот в чем вопрос.

— Дом у вас, я смотрю, новый.

Обособлячок небольшой, полутораэтажный, из кирпича цвета слоновой кости. Все прилизано, причесано. Вид как на картинке.

Раньше на этом месте стоял дом, в котором жил Мишка Жмыхов. Максим то дружил с ним, то враждовал. В армию вместе уходили. Как ушли, так и не вернулись.

Максим отслужил, поступил в школу милиции, а по выпуску домой не поехал, в Москве остался. Первое время в Ковалев приезжал каждый год, а потом как-то недосуг стало. Шесть лет кряду его здесь не было, тетка одна пропадала. Без него и умерла. Может, в пакете у него не бутылки звенят, а совесть взывает?

— Новый, — подтвердила женщина.

— И ворота, должно быть, новые. А мотор старый могли поставить. Или бракованный. Может, ломиком?..

— Нет, я лучше мастера вызову.

— А ворота?.. Может, вам их нарочно сломали? — Максим ущипнул себя за подбородок. — Муж-то ваш где?

— Я не замужем.

— Макс! — Он взял под козырек.

— Макс, может, вам уже пора? — раздраженно спросила она, махнув перед носом ладонью.

Максим нахмурил брови. Плохи у него дела, не складывается знакомство. Он сам в этом виноват. И перегаром от него разит, и земля под ногами шаткая. А раз так, то лучше не усугублять ситуацию. Тем более что прекрасная соседка от него никуда не денется.

— Понял. Ухожу. — Он сделал шаг в обход машины.

— Вы, случайно, не из полиции? — с чувством неловкости спросила женщина.

Максим повернулся к ней, зафиксировал положение в пространстве, кашлянул в кулак, прочищая голосовые связки.

— Из милиции.

— Милиции уже нет, — внимательно глядя на него, сказала она.

— А меня нет в полиции. Когда я уволился, еще милиция была.

Оксана — актриса по призванию. Она с детских лет мечтала о карьере в кино. А Максим даже не знал, кем хотел быть. Отслужил в армии, поступил в школу милиции, в звании лейтенанта пришел в уголовный розыск.

Он был капитаном, когда к ним в отдел пришли киношники. Они снимали фильм про бравых оперов, предложили ему попробовать себя в эпизоде. Максим справился и вскоре получил роль второго плана. Чуть погодя последовало приглашение на главную. И по-неслось. Из милиции ему пришлось уволиться, да он, в общем-то, и не жалел об этом.

Максим не относился к той породе актеров, которые изо всех сил рвались к высотам, мечтали стать великими. Не было в нем того тщеславия, как, например, у Оксаны. Ему требовались деньги, а заработать их он мог, только снимаясь в кино. Удача теперь отвернулась от него. Не было прежнего форта, потому душа и болела. Слава сама по себе Максима интересовала мало.

Соседка его не узнала, но ему не было обидно. Если только самую малость.

— Уволились?

— Думаете, уволили? За это дело? — Максим усмехнулся и щелкнул себя по горлу.

Соседка пожала плечами. Может, его действительно уволили за пьянство, но ей все равно, как оно было.

— У меня горе. Тетя умерла. — Он кивнул в сторону дома. — Воспитывала меня.

— Понимаю.

— Не думай, что я оправдываюсь, — переходя на «ты», сказал он и снова повернулся спиной к воротам.

Не стоит ему, Максиму Юрьеву, разговаривать с женщиной, которая не захотела назвать свое имя.

Она, похоже, угадала его мысли и негромко сказала:

— Меня Рита зовут.

— Всего хорошего, Рита, — не поворачиваясь, сказал он, приподнял руку и небрежно пошевелил пальцами.

Рита чертовски хороша, секса в ней как меда в улье, но нельзя показывать ей, что ты на нее запал. Мужчина может предложить знакомство, но не должен его навязывать. Многословие — совсем не тот конек, на котором нужно подъезжать к женщине. А он тут разговаривался, еще и оправдываться начал.

— Может, ломиком попробуем? — спросила она.

В ее голосе угадывался намек. Максим остановился. Рита осознала свою вину. Она уже навязывается. Значит, он будет полным идиотом, если уйдет.

Максим развернулся на сто восемьдесят, вплотную приблизился к ней и заглянул в глаза с иронией

заправского сердцееда. Рита качнулась как маятник часов, от него и к нему.

— Зачем пробовать? Ломик есть. Сделаем, — сказал он.

— Хотелось бы поскорей. — Ее голос дрогнул от волнения.

Трефовый король и две дамы, червовая и пиковая. Десять очков. Если придет туз, то будет полный набор. Двадцать одно очко — это безоговорочная победа. На кону почти миллион деревянных. Вильям щелкнул пальцем по карте. Если вдруг повезет, он купит своей даме пик новую машину.

Перед ним легла карта, Вильям взял ее. Бубновый туз. Ни одна черточка не шевельнулась на его суровом лице, но душа расправила крылья.

— Двадцать одно!

Он выложил карты на стол, и в его взгляде мелькнула ехидная искорка, адресованная Сербу. Тот набрал двадцать очков. Этого должно было хватить, но туз Вильяма сломал ему игру.

Серб знал жизнь как изнутри, так и с изнанки. Шутка ли, почти двадцать лет по лагерям да пересылкам.

Он даже глазом не моргнул, спокойно посмотрел на Вильяма и сказал:

— Поздно уже. Я пойду.

Отыгрываться Серб не стал. Шулер он знатный, но в казино не смухлюешь. Во всяком случае, в том, которое держит Ираклий Львович. Заведение подпольное,

но игра идет чисто по понятиям. Если в долг, то только в виде исключения. А с наличием у Серба проблемы. Видно, все спустил. Потому и уходит.

— Спокойной ночи, Яков Тимофеевич, — сдерживая насмешку, сказал Вильям.

Серб не изменился в лице, но взгляд его заледенел.

— И тебе, Вильям Андреевич, без кошмаров.

Серб ушел, а Вильям попросил коньяку. Официантка подала ему бокал, наполненный на два пальца. Он выразительно глянул на нее.

Лера, как и всегда, выше всяких похвал. Изумрудные глаза, жемчужные зубы, улыбка знойная как тропическое солнце. Декольте напоминает витрину торгово-выставочного комплекса, грудь напоказ. Платье короткое, ножки стройные, туфли на высоком каблуке.

Но о цене с ней лучше не договариваться. Ираклия Львовича это возмутит. За попку Леру трогать не стоит.

Вильям плевать хотел на Ираклия Львовича. Надо будет, кровь он ему пустит без всякого зазрения совести. Но сейчас у него не было желания ссориться с ним из-за бабы.

Тем более что у Вильяма две свои дамы. Червовая — юная жена, пиковая — еще не старая любовница. Обе под сильным эротическим напряжением. Коснешься и пропадешь. Софи, правда, еще неопытная, загорается с трудом. Зато Марго вспыхивает как спичка и брызжет искрами как бенгальский огонь.

— На два пальца, говоришь?.. — в раздумье проговорил Вильям.

Он смотрел на бокал, а обращался к официантке.

— Тебе нравится на два пальца? Или на полную лучше?

Лера игриво улыбнулась и отправилась наполнять бокал до краев. Чтобы клиент не утратил интерес к процессу, она вильнула перед ним бедрами, вызвав тем самым интересный вопрос. К кому ехать — к жене или к любовнице? Время действительно позднее, но сон еще не стучится в дверь. И порох в пороховницах сухой. Марго умеет зажигать. Но так и Софи тоже мастерица по этим делам.

А может, все-таки закадрить Леру, пообещать ей хороший подарок? У Вильяма была тайная квартира, куда он мог привести случайную любовницу. Эта хата неподалеку от заведения. Там все на мази, Лере понравится. Если она согласится. А вдруг нет?

Вильям качнул головой. Нет, не станет он утруждать себя, отправится домой, к жене. В конце концов, поздно уже.

Грудь у Риты как наливное яблочко, маленькая, упругая, глянцевая. Гладить ее — одно удовольствие. Она лежала на спине, восстанавливая дыхание. Обнаженное тело слегка увлажнилось, но пот на нем не выступил.

— Что это было? — спросила она.

— Повторенье — мать ученья, — сказал он, любуясь изгибами женского бедра.

Вчера Максим открыл ворота и не стал останавливаться на достигнутом. Рита сопротивлялась только на словах.

«Не надо», — шептала она, подзадоривая его.

Потом они пили виски, который, как Максим и ожидал, был самопальным. Но на пищевом спирту. Поэтому все пошло как надо.

— И мученья, — добавил он, вспомнив, какие звуки издавала Рита.

Она кричала вовсе не от возмущения. Заводная баба, жадная до секса.

— Кто ты такой, черт возьми? — Рита резко повернулась к нему и приподнялась на локте.

— Пьяный сосед.

— Я тебе что, повод давала? — Ее голос вибрировал от возмущения.

Максим усмехнулся, с иронией глянул на нее. Есть у женщин такое свойство, сначала делать, а потом думать. Но это по мелочам, а в сложных случаях они обычно режут после семи замеров. Видимо, секс казался Рите мелочью. А сейчас она вдруг решила усложнить отношения. Бывает.

— Ты чертовски красивая и сексуальная. Разве это не повод?

— Ты хоть знаешь, что с тобой теперь будет?

— Попаду в ад, если жена узнает.

— У тебя еще и жена есть? — с неприятным удивлением спросила Рита.

Максим открыл рот, чтобы назвать имя своей законной супруги. Он, может, и не столь знаменит, как хотелось бы, но Оксану Корнилову знают все женщины от тридцати и выше.

Но то самое слово, которое не воробей, так и осталось у него во рту. Он не стал открывать этой барышне имя жены. Во-первых, Рите не совсем тридцать. Во-вторых, зачем светиться?

Рита может начать его шантажировать, если узнает, с кем спала. Может, она в кино сниматься мечтает, а Максима можно использовать как проводника в этот мир. И начнется!.. Мол, если я прошла через твою постель, то давай, проталкивай меня дальше. А вдруг эта красавица денег потребует?

— Ты же не спросила.

— Зато ты спросил. Мужа у меня действительно нет. Есть любовник.

— Богатый? — Максим обвел взглядом комнату.

Дом отделан от и до, ни к чему не придерешься. Обставлен по первому разряду.

— И авторитетный. Тебе лучше уйти.

— А еще одну тему на закрепление? — Максим замер в ожидании, вопросительно глядя на Риту.

Вдруг она согласится? Он ведь еще не совсем готов.

— С женой отработаешь.

— Жена далеко.

— Попробуй ее на дрезине догнать. Давай! — Рита повела рукой в сторону двери.

— Что давай? Попробовать на дрезине?

— Давай, гуляй!..

Максим кивнул. Нагрешил, пора и честь знать. Да и чувство вины перед женой лучше всего заливать в одиночестве.

Он поднялся, оделся, а Рита так и лежала.

Максим был уже в дверях спальни, когда она спросила:

— Телефон мой возьмешь? — В ее голосе звучало сожаление.

— Не надо. — Он остановился, но не повернулся к ней. — Я сам как входящий звонок.

— На любой номер? — Она усмехнулась.

— Не на любой. Но когда захочу.

— А если номер будет занят?

— Поставлю на автодозвон.

Максим понимал, о чем беспокоилась Рита. Она и хотела бы повторить, но ее смущал любовник, который в любой момент мог заглянуть к ней на огонек. Возможно, мужик ревнивый. Но щедрый. Из тех, кого женщины ценят.

Он вышел во двор, когда туда въезжал черный «Гелендваген». Из джипа вышел мужчина крепкого сложения с тяжелыми и жесткими, будто спрессованными чертами лица. Максим сразу понял, почему Рита назвала своего любовника авторитетным.

Этот мужчина пытался смягчить свою природную жестокость с помощью стильных очков без оправы и затемнения. Он явно ухаживал за собой. Прическа — волосок к волоску, гладко выбритые щеки, увлажненные кремом. Одежда, подходящая для джентльмена неопределенного возраста. Но при этом называть его красавчиком явно не стоило. Хотя бы потому, что за такое сравнение можно было получить по морде. Не исключено, что с ноги.

Сначала из машины вышел он, и только затем — его телохранители, крепкие парни с угрожающей пустотой в глазах. Внешне этот человек выглядел невозмутимо, но поспешность выдавала его возмущение.

— Я тебя знаю? — спросил мужчина в очках.

Может быть.

Максим расслабился, а зря. Кулак вылетел как ядро из пушки. Максим в свое время занимался боксом, на службе в милиции увлекся самбо. Да и постановочные драки в кино стали каким-то плюсом к его боевым навыкам. Но удар в подбородок он заблокировать не смог и увернуться тоже. Поэтому оказался на земле, в нокауте.

До его слуха донесся голос Риты:

— Вильям, это совсем не то, что ты думаешь!

— А почему ты в халате? — с желчной насмешкой спросил мужчина.

— Потому что утро.

Максим поднялся и наткнулся на жесткий и колючий взгляд Вильяма.

— А я тебя знаю. Ты капитан Костин, — без должного восторга сказал тот.

— Да, он из полиции, — подхватила Рита. — Ко мне во двор кто-то проник.

— Проник, — не сводя глаз с Максима, сказал Вильям. — Во двор. Который у тебя под юбкой. Ты чего это, капитан, мне здесь устроил?

— Очки сними, — с наигранным спокойствием сказал Максим.

Он знал, что нужно делать в этой ситуации.

— Бить будешь? — Вильям удивленно повел бровью.

Он, видимо, решил, что Максим всерьез будет играть в благородство. Но это был всего лишь обманный ход. За ним сразу же последовал удар. Кулаком. Точно в подбородок. Зуб за зуб.

Максим бил со всей силы, быстро, без размаха. Но Вильям не упал. Он всего лишь отступил на шаг. А у Максима от боли отнялся кулак. Ощущение, что не в кость ударил, а в чугунную болванку.

Телохранители рванули на Максима. Вильям жестом осадил их, но на место не вернул. Они обступили Максима с двух сторон.

— Я же не снял очки, — сказал Вильям, с укором глянул на Максима и длинными ухоженными пальцами ощупал подбородок. — А ты ударил. Нехорошо, Костин. Так в кино себя не ведут.

— Это не кино! — не без пафоса изрек Максим.

— Вот! — Вильям вскинул палец, ткнул им в кончик носа артиста. — Это жизнь. Реальная. Суровая. Убивают здесь по-настоящему. Ты спал с Марго?

Он умел производить гнетущее впечатление, но и Максим вошел в образ героя.

— Спал.

— По-настоящему?

— По-настоящему.

— Значит, и умрешь по-настоящему.

Вильям не играл роль. Ему и на самом деле ничего не стоило убить человека. Именно это он и собирался сделать. Максиму стало не по себе. В жизни действительно умирают по-настоящему, и никакой режиссер не воскресит.

— Ну, попробуй, — на остатках гонора сказал Максим.

— Зачем пробовать? — Вильям выразительно глянул на одного быка, но ударил другой.

Максим ждал нападения слева, а сбили его с ног справа. Он еще только падал, а уже прилетела добавка — кулаком в живот. Это было только начало.

Быки били со знанием дела, не жалея сил. Максим не мог ни подняться, ни ударить в ответ. Он закрывался, держал удары и понимал, что надолго его не хватит.

— Вильям, он же из полиции! — выкрикнула Рита.

— Из какой полиции? Он актер. Из кино. Ты что, не знала?

Судя по звучанию голоса, Вильям был удивлен.

Может, потому он остановил своих телохранителей, навис над Максимом, не позволяя ему подняться с земли, и спросил:

— Ты не сказал Марго, кто таков?

Максим мотнул головой и скривился от боли. Давала знать о себе ушибленная челюсть. А может, и сломанная.

— Почему?

Максим ответил удивленным взглядом. Зачем заявлять о своих достоинствах на словах, когда можно проявить себя в деле?

— И она тебе дала?

Максим повернул голову на бок и сплюнул кровью. Этим он как бы посылал Вильяма к черту.

— Ничего не было! — подала голос Рита.

— Не ври. Или я убью вас обоих! — сквозь зубы проговорил Вильям и ткнул ее пальцем в грудь, чтобы придать особую остроту моменту.

Рита прикусила язык и опустила голову.

Максим тем временем поднялся с земли и попал под кинжальный взгляд Вильяма.

— Сегодня я тебя прощаю. Но еще раз, и ты труп. Вопросы?

Максима так и подмывало послать его в светлую даль, но все-таки он сдержался. Увы, сила на чужой стороне. Его действительно могли убить.

Он ничего не сказал, повернулся к Вильяму спиной и пошел к воротам.

— Пойдешь к ментам, там и останешься, — донеслось вслед.

Максим даже не остановился. Это его дело, куда идти, что делать. Надо будет, он найдет, куда обратиться. Есть у него знакомый генерал.

— Там тебя и похоронят, — добавил Вильям.

Максим вышел на улицу, повернул к своему дому, сделал несколько шагов и остановился. А как же Рита? Вдруг Вильям ее убьет в приступе ревности.

— Эй!

Максим обернулся и увидел быка, который косолапо, с нахальной ухмылкой пер на него.

— Это, автограф дай!

Из одного кармана он достал блокнот, из другого — авторучку.

— Автограф?! — Максим ощупал шишку под ухом, провел языком по кровоточащему рассечению на внутренней стороне губы.

— А чего?!

— Да нормально все. Держи! — Максим ударил от всей души, наотмашь.

Тут же последовала добавка, которая сбила громилу на землю. Максим врезал ему ногой в живот, и тут сзади вдруг взвыла сирена. Он отскочил от телохранителя и увидел притормаживающую полицейскую машину.

Максим глянул на второго телохранителя и понял, что подъехали его спасители. А еще он подумал о Рите. Вряд ли теперь Вильям посмеет поднять на нее руку.

ГЛАВА 2

Мясо молодого оленка нежное, сочное, особенно если протушить его в красном вине с черносливом. Все это будет. Туша уже висит на палке, привязанная к ней за ноги. Тяжело нести оленка через лес, еще трудней было выследить его и подстрелить.

Георгий Степанович опытный и страстный охотник. Зять у него в этом деле салага, стреляет плохо, но по лесу ходит тихо, а это уже само по себе большой плюс. Трофей взят, до машины недалеко. Сейчас они погрузят оленка в багажник, и вуаля.

— Гражданин!

Степан Георгиевич услышал грозный окрик, вздрогнул, остановился, но тут же вспомнил, какую должность он занимает, и успокоился.

Из-за кустов к нему выходил мужчина с жесткими чертами лица. С ним еще двое, оба такой же впечатляющей наружности. Все в охотничьих костюмах, с ружьями. Если это представители закона, то почему взгляды у них волчьи? Что-то хищное в них, злое, недоброе. Даже уголовное.

— Браконьерствуем? — перегородив путь, спросил мужчина.

Георгий Степанович заметил короткий, но глубокий шрам на его подбородке.

— Ты кто такой?

— Общество защиты животных. Тушу на землю положи!

— А что такое?

Мужчина ничего не сказал. Он просто достал из ножен тесак. Стальное сияние клинка вселило в душу Георгия Степановича животный страх.

Спутники незваного защитника природы обступили охотников слева и справа. Ружья у них взяты на изготовку.

Георгий Степанович тревожно глянул на зятя, и они уложили тушу на землю.

— А если я тебя сейчас подстрелю, освежую и на вертел насажу? — проговорил мужчина и оскалился.

На Георгия Степановича смотрел матерый уголовник с волчьей душой и зверской сутью.

— Что... чего вы хотите?

— Разрешения на охоту, я так понимаю, у тебя нет. А на распилы и откаты?

— На какие распилы?

Уголовник глянул на своего подопечного, который схватил Игоря за рукав, потащил его в сторону. Тот даже и не думал сопротивляться. Георгий Степанович вздохнул, глянув на зятя. Никакого толку от него. Другой снял бы с плеча ружье да перестрелял бы всю эту шваль. А этот сопли жует.

— Хлипкий у тебя зятек, — заявил уголовник. — С дочуркой твоей хоть справляется?

— С моей дочуркой? — От волнения у Георгия Степановича занемели поджилки.

— Мы ведь и подсобить можем. Ей понравится.

— Что вы такое говорите?

— Ее на один вертел, тебя на другой. Да и начнем жарить. Только тебя на огне. Ей хорошо будет, а ты от боли слохнешь. Понимаешь меня, Гоша?

— Да...

— Ты на днях откат по строительным делам получил.

— Вы что-то путаете.

— Шестнадцать миллионов рублей.

— Да что вы!

— Есть доказательства. Они уйдут в следственный комитет. Если не договоримся.

— Это какая-то ошибка...

Сильный удар в живот заставил Георгия Степановича опуститься на колени.

— Я с тобой по делу говорю, — сквозь собственный стон донеслось до него. — А ты мне порожняками отвечаешь. Ты конкретно попал, мужик.

— Что вам от меня нужно?

Георгий Степанович понимал, что дело его дрянь. Он действительно получил откат, ловил жирную рыбку в мутных бюджетных потоках. Теперь с него за это собираются спросить уголовники. Не зря же они выследили его и подкараулили на узкой дорожке. Эти ребята демонстрируют перед ним свои возможности. Нетрудно догадаться, зачем они это делают.

— Хороший вопрос, — сказал вымогатель и ухмыльнулся. — Да, Гоша, ты нам должен. Для начала двадцать лимонов. А потом по три лимона в месяц. Для тебя это немного.

— Кому я должен?

— Мне. Законному представителю воровской власти. Меня зовут Яков Тимофеевич. Для своих я Серб. Вопросы?

— У меня нет двадцати миллионов!

— Ты ничего не понял, мужик. Сегодня мы пришли к тебе с миром, завтра заявимся за деньгами прямо домой. Тогда уже разговор будет другой. Теперь понимаешь?

— Да. — Георгий Степанович опустил голову едва ли не до самой земли.

— Готовь деньги. К тебе подъедут. Начнешь вилять, мы тебя сольем ментам. Получишь срок. А на зоне для тебя начнется веселая жизнь. С параша будешь есть, в дерьме спать. Жди, тебя навестят.

Серб ушел налегке. Его подельники понесли оленка. Невелика потеря.

Георгий Степанович протяжно вздохнул. Двадцать миллионов рублей — вот это будет убыток. Если, конечно, он уступит махровой уголовщине. А есть ли у него выход?

Ворон ворону глаз не выклюет. Рука руку моет. Рыбак рыбака видит издалека.

Поговорки эти приходили на ум неспроста. Максим смотрел на оперативника, к которому его привели на допрос. Лицо такое же широкое, как у Вильяма. Те же маленькие глаза, линия носа, подбородок. Это брат Вильяма? Или еще какой-то родственник?

Очков у старшего лейтенанта Зыкова не было, но все равно похож. Взгляд такой же тяжелый, холодный.

— Значит, избивали тебя? — нехотя обронил опер.

— Вас, — поправил Максим.

— Нет, меня не избивали. А тебя — да.

— Вас.

— С тобой еще кто-то был?

— Ты тупой? — не выдержал Максим.

Но Зыков и ухом не повел.

— Прапорщик Михайлов утверждает, что ты ударил Шмелева и сбил с ног. А как тебя били, он не видел.

— А откуда тогда это? — Максим обвел пальцами шишку под ухом.

— Болдарев такой. Мог и наехать. Ты же знаменитость. А он любит пускать пыль в глаза.

Максим удивленно повел бровью. Его задержали, доставили в отдел, приняли по всей форме, два часа продержали в обезьяннике. Никто даже взглядом не дал понять, что узнал артиста. С ним обращались как с каким-то алкашом. Вот и Зыков с ходу начал ему «тыкать».

— Чем ты Болдареву не угодил? — с постным выражением лица спросил Зыков.

— У него и спроси.

— А зачем? Ты избивал Шмелева...

— Не избивал, а отбивался.

— Марго видела, как тебя били?

Максим глянул на Зыков с кривой усмешкой. Теплохранитель Вильяма для него просто Шмелев, Рита —

Марго. И самого Вильяма он по фамилии знает. Скорее всего, этот тип действительно близко с ним знаком.

— Риту приплетать не надо.

— Почему не надо? Дело мы пока не заводим. С Марго я поговорю просто так, без протокола. Если скажет, что была драка... А из-за чего?

— Драка — это когда один на один, а их трое было.

— В кино ты и десятерых раскидывал. Это в каком фильме? — Зыков на мгновение задумался. — «Запах страха». Ну и название!.. У вас там, в Москве, не знают, как страх пахнет? У нас тут он настоящий. Стреляют.

— Везде стреляют.

— У нас не кино. А Болдарев мужчина серьезный. Он тебе угрожал?

— Не важно.

— Очень важно. Если он угрожал, то слово свое сдержит. А ты его быка избил. Знаешь что, Юрьев, а давай-ка ты свалишь отсюда, уедешь от греха подалее.

— А если у меня дела?

— Дела у нас. В частности, на тебя. Пришьем хулиганку, будешь знать. Ну так что?

— А с Марго что?

— А что с Марго? — не понял Зыков.

— Вильям не так все понял. Как бы чего не вышло.

— «Как бы чего» нам здесь не нужно. Я поговорю с Вильямом.

— Поговори. А то я и вернуться могу.

— Из-за Марго?

— Из-за нее.

— Может, Вильям все правильно понял? — Зыков усмехнулся.

— Ты поговори с ним. Предупреди.

— Завтра тебя здесь не должно быть. Или заведем дело. Вопросы?

Вопросов у Максима больше не было. Зыков вызвал конвой и приказал сопровождать Максима до самого дома.

Сколько бы цивилизация ни причесывала мужика, все равно на подсознании он останется самцом. В природе все просто. Пометили твою территорию или самку, возьми да переметь ее. Но сначала убей паскудника.

Вильям подумал об этом, глядя на Марго, которая голышом шла в душ. Переметил он ее, но паскудника не убил. А жаль.

На тумбочке зазвонил телефон, на дисплее высветилось: «Икс». А как еще можно было назвать мента, который настолько же полезен, насколько и опасен? Денис Зыков мог помочь с информацией, но только за ответную услугу. Деньгами не брал, не хотел попадать в кабалу. С такими ментами нужно держать ухо востро.

Впрочем, Вильям Зыкова не боялся. Во-первых, старлей не дорос до этого. Во-вторых, опер не проявлял особого желания быть героем.

— Как Марго там у тебя поживает? — не здороваясь, спросил Зыков.

Вильям всерьез считал себя культурным, интеллигентным человеком, к тому же он был старше Зыкова

на двенадцать лет. Но это не мешало менту обращаться к нему на «ты». Хоть кол ему на голове теши.

— Не понял!

— Я не спрашиваю, как она поживает. Скажи, живая она или нет?

— Пока да.

— Что значит пока?

— А это значит, что тебя она переживет.

— Смешно.

— Что там со звездой?

— Со звездой? — Зыков завис в раздумье. — Капитана мне через год дадут. А майора — еще не скоро.

— Я насчет Юрьева.

— Я его домой отправил. Он за Марго переживает.

— За себя пусть переживает.

— Марго не трогай, не надо.

— А то что?

В трубке послышались короткие гудки.

Из ванной Марго выходила неторопливо, модельной поступью. Она улыбалась не только губами, но и всеми частями обнаженного тела. Лишь Марго так и умела. Одного опыта тут мало, нужно еще владеть искусством себя подавать.

Этому ее научили в Москве, где она промышляла элитной проституткой. Вильям видел сайты, через которые к ней в постель заманивались клиенты. Она уже три года как отошла от дел, а шлейф все еще тянулся. Впрочем, ей все равно.

— Юрьев за тебя переживает, — глядя на нее, с кислой усмешкой сказал Вильям.

— Чего? — Она укладывалась на постель с грацией пантеры.

— А вдруг я тебя убью?

— Ты можешь.

— Почему ты так думаешь?

— Я видела твой взгляд.

— Ты проститутка. Твое призвание — дарить радость мужчинам, — заявил он и презрительно усмехнулся.

— Я знаю, ты просто злишься. — Она шаловливо провела пальцем по его груди.

— Я знаю, что ты шлюха.

— Да, я перед тобой виновата.

— Но ты только моя шлюха.

— Да, и я согласна на все. Чего изволите желать?

— Это тебе не поможет. — Вильям потянулся за пультом, включил телевизор.

Марго молчала, вопросительно глядя на него. Она ждала, когда он вытащит очередной камень из-за пазухи.

— Я вчера выиграл миллион. Хотел обновить твою машину. Но твой бубновый туз все испортил. Будешь ездить на старой.

Если Марго и расстроилась, то виду не подала, промолчала.

Вильям снисходительно глянул на нее. Красивая баба, умная, хитрая, очень интересная. Потому Юрьев на нее и запал.

Марго появилась в Ковалеве года три назад. Купила старый дом, снесла его, за год с небольшим поставила новый. Вильям ей в этом помогал. За ее деньги. Но обстановку подарил. Да и машину тоже. Слишком быстро у нее закончились сбережения. А может, она и схитрила, чтобы раскрутить его на подарки. Но так он мужчина, обязан платить за свою женщину. Тем более если она проститутка, которая не дает бесплатно.

— А может, и подарю. — Он пожал плечами.

Взгляд его упал на экран. Длинноволосая женщина на ходу скинула халат и голышом шла к мужику, который ждал ее в постели. Фигурка потрясающая. Волосы — нет слов. А лицо!.. Да уж, Вильям не отказался бы оказаться с ней в постели.

— Знаешь, что за баба? — спросил он.

Камера выхватила лицо героини, скользнула по ее обнаженной груди. На этом все и закончилось. Жаль.

— Где-то я ее видела, — сказала Марго.

— Оксана Корнилова.

— Да, наверное.

— Жена Юрьева.

В отличие от Марго, Вильям интересовался новостями кино, потому был в курсе.

— Жена? — Марго вздрогнула.

— Такая же шлюха, как и ты. У Юрьева нюх на вашу породу, — заявил Вильям и скривился.

Он поднялся, потянулся к брюкам. Некогда ему, человеку занятому, прохлаждаться в объятиях проститутки.

От Ковалева до Москвы на поезде ночь пути. Не так уж и далеко по российским меркам. И почему, спрашивается, Максим так долго не был в родных краях?.. Может, потому и наказала его судьба? Не просто же так ему не звонят, не зовут на роль.

Он забросил сумку под стол, лег на полку, поверх запроваленной постели. Настроение ни в Красную армию, все равно, кто займет второе место в люксе — потный толстяк или стройная красотка. Когда кто-то вошел, он даже не открыл глаза.

— Мужчина, вы не подвинетесь?

Максим узнал этот голос. Да, так и есть, перед ним стояла Рита. Волосы распущены, короткое платье в обтяжку. А ножки у нее — дух захватывает.

— Ты здесь откуда?

Он стремительно поднялся, обнял ее за талию, и они вместе плюхнулись на полку.

— Вообще-то, мне туда! — Она кивком показала на свободное место.

— У тебя билет?

— Счастливый. — Она улыбнулась. — На три часа.

— Почему на три?